

Дмитрий Клёстов

г. Гурьевск

Было им не до мальчика,
Вставшего на карачки.

Пахло все это пакостью,
Не шаловливым детством.
Осы взлетали и падали,
Как от разрыва сердца.

У проказника внука
Поэтический толк:
Чем страшнее старуха,
Тем душевней восторг.

Остановится с каждой
И поведает враз
Вразумительный, важный
Весь словарный запас.

Будто знает секрет он,
Что в юдоли села
Та старуха Джульеттой
Для кого-то была.

Мудрость доброго света
Хоронится в душе...
Обо всем непоседа
Будто смыслит уже.

Обильные, размашистые вьюги
Легли лебяжьим пухом в тополя.
Красивые, улыбчивые друзья
Из чёрных рамок смотрят на меня.

В эпоху знаменитых пятилеток
Из них по праву каждый знаменит.
Забой последний пройден, напоследок
Землёй и снегом ласково укрыт.

Последнего гвоздя –
Пожизненная хватка,
И крапинки дождя
Сперва как бы украдкой
С лазурной высоты,
Затем напропалую
Испробуют листы
На прочность вековую.
И, тронутый до слез
И месяцем сияя,
На крыше в полный рост
Поднимется хозяин.
Я влезу на конёк,
На смотровое чудо.
Мой главный теремок
В моих мечтах покуда.
А дождь – хороший знак
Небесных канцелярий.
И пенится первак
В ореховом угаре.

В осеннем лесу осиновом,
Играючи, топорщиком
Он разорил осиное
Папирусное жилище.

Осы детишек нянчили
В легкой предзимней спячке,

Клёстов Дмитрий Петрович родился в деревне Евтино Беловского района Кемеровской области в 1942 году. Служил командиром танка в Группе советских войск в Германии. Работал на шахтах, рудниках и в геолого-поисковой партии. Печатается в газетах и журнале «Огни Кузбасса». Издал четыре книги: «Земная ноша», «Оглянись с большака», «Любо-дорого», «Избранное». Член Союза писателей России. Живёт в городе Гурьевске.

Мои друзья, как в раскомандировке,
Сошлись рабочей силой поиграть.
И наплевать друзьям на забастовки,
На власть блатную тоже начихать.

До лампочки и гибнущее втуне
Чахоточное чрево рудников.
Они сошлись, как будто накануне
Собрания былинных горняков.

«Пыль-Дым»

Дядя Ваня «Пыль-Дым»,
Клана некогда падшего,
Под окошком моим
На похмелку выпрашивал.

Дашь, не дашь – пилигрим
Отойдет, не обидится.
Лишь ругнется: в пыль-дым,
На том свете увидимся.

Осенила меня
Вроде выгода шкурная,
Будто книжка моя –
Что клубничка гламурная.

Вот подам-подарю,
Может быть, не побрезгует,
И за чтивом зарю
Встретит – зореньку трезвую.

Сочиненье моё
Нрава доброго, строгого
Пусть украсит жильё,
Бомжеватое логово.

Вроде, от кулака
Он шарахнулся, или от подлости,
Мол, нашел дурака
Изучать ваши повести.

Одарил бы рублем –
Взял бы он без зазрения.
Горе горькое в нем
Моего поколения.

Под окошком другим
Руки жмет заскорузлые

И поносит в пыль-дым
Сочинителя русского.

Письмена

Сам – блаженный, сам – юродивый
Через тыщи вёрст ко мне
Посылает иероглифы
В каждом мамином письме.

Служба – ляпка, чтоб ты сгнула
В чужедальние края.
Уж давно невеста кинула
И гражданские друзья.

Тяжко служится, и вроде бы
Жить красиво на миру.
Что ты пишешь мне, юродивый,
Я никак не разберу.

Избы светлые соседние,
Ты, торчащий из рванья,
Звуки нечленораздельные –
Вот и всё, что помню я.

Несусветная нелепица
В малахитовой траве...
Неужели память теплится
В никудышной голове?

А вот жаждет с нетерпением
Сердце чёрствое моё
Вроде как благословение –
Наивысшее – твоё.

Откукует кукушечка скоро
На опушке окрестного бора,
Насчитает лихие години,
Не осилить мне и половины.

Но коснётся коса травостоя
На макушке Петровского зноя,
Да нальются медовые злаки –
Я забуду кукушечьи враки.

И забудет родная сторонка,
Но овсянка – приёмная мать
Будет нянчить её кукушонка
И научит по жизни порхать.